

В глазах Лу Чжоу плескалось что-то мутное и нечитаемое. Он охотно подхватил слова Цзи Цьюаня, успокаивая его «Брат, после той аварии вполне естественно, что тело иногда бунтует».

Цзи Цьюань опустил взгляд, словно взвешивая правдивость этих слов на невидимых весах. И, признаться, в этом была своя логика. С тех пор, как его жизнь перевернулась в той автомобильной катастрофе, тело и разум словно сошли с привычных рельсов. Кошмары стали ночными гостями, обострилось обоняние, вылавливая феромоны из толпы, а подозрительность сплела кокон вокруг его сердца.

Лу Чжоу коснулся мягких волос Цзи Цьюаня, шепнув: «Дай мне нож, не поранься».

Цзи Цьюань всегда был податлив воле Лу Чжоу, словно пластилин в умелых руках. Он безропотно протянул фруктовый нож, но на белизне его пальцев были видны алые капли крови, создавая тревожный, почти зловещий контраст.

Взгляд Лу Чжоу был прикован к этим окровавленным пальцам, и в глубине его зрачков мелькнуло раздражение «Какие же у тебя грязные руки... Я помогу брату их вымыть».

Цзи Цьюань послушно кивнул «хорошо», но едва он попытался подняться, Лу Чжоу заключил его в свои объятия. Он привык к этим внезапным проявлениям нежности, поэтому не сопротивлялся, позволив унести себя в ванную комнату.

Лу Чжоу бережно опустил Цзи Цьюаня на пол, открыл кран и, тщательно проверив температуру, настроил воду на приятные тридцать градусов.

Взяв руку Цзи Цьюаня, он подставил ее под струи воды, смывая запекшуюся кровь с тонких пальцев. Затем, потянувшись к полке, он взял гель для душа с ароматом молока, и вскоре руки Цзи Цьюаня утонули в пушистой пене.

Он говорил, что хочет помочь, но вскоре стало очевидно, что Лу Чжоу не моет, а играет с его пальцами.

Пальцы Цзи Цьюаня - тонкие, изящные, с ногтями, отливающими нежным розовым перламутром. Кожа - гладкая, словно шелк, и такая нежная, что казалась почти прозрачной.

Лу Чжоу не мог оторваться от них, словно держал в руках нечто драгоценное, хрупкое и неповторимое.

«Лу Чжоу, тебе пора идти», - напомнил Цзи Цьюань, вспомнив о дне рождения Лу Чжоу и о гостях, собравшихся на банкете. «Не заставляй всех ждать».

«Они еще не чистые», - пробормотал Лу Чжоу, игнорируя его слова.

«Я сам могу», – Цзи Цьюань почувствовал легкое раздражение.

«Нет, я помогу тебе». Лу Чжоу был непреклонен, продолжая медленно и сосредоточенно перебирать его пальцы. Прошло больше десяти минут, прежде чем он наконец выключил кран.

Несмотря на то, что Лу Чжоу был моложе, он проявлял трогательную заботу. Смыв остатки крови и пены, он взял мягкое полотенце и тщательно вытер каждый миллиметр пальцев Цзи Цьюаня, пока они не порозовели от усердия.

Закончив, Лу Чжоу снова подхватил Цзи Цьюаня на руки и отнес его обратно в кровать.

Когда Цзи Цьюань уже решил, что Лу Чжоу собирается вернуться на празднование, тот внезапно метнулся к гардеробной и вернулся с пижамой в руках: «Брат, переоденься».

«Зачем?» – Цзи Цьюань оглядел свою одежду, не находя на ней ни пятнышка.

«Лу Яньи трогал твою одежду», – глаза Лу Чжоу снова наполнились влагой, в них затаилась неприкрытая ревность. «Мне это не нравится».

Цзи Цьюань невольно рассмеялся от абсурдности ситуации: «Ты такой собственник!»

«Брат, ты переоденешься или нет?» – в голосе Лу Чжоу послышались кокетливые нотки.

Цзи Цьюань не мог устоять перед этим тоном. Он выхватил пижаму и пробурчал: «Ладно, переоденусь».

Он скрылся в ванной, скинул одежду, к которой прикоснулся ненавистный альфа, и натянул пижаму, приготовленную Лу Чжоу. Размер оказался явно велик: рукава закрывали кончики пальцев, а штанины волочились по полу. Теперь Цзи Цьюань не сомневался – это была пижама самого Лу Чжоу.

У этого альфы были свои странности, и одна из них заключалась в том, чтобы Цзи Цьюань носил его вещи.

Тот любил Лу Чжоу, поэтому был готов мириться с его причудами.

Выйдя из ванной, он застал Лу Чжоу, стоящего у кровати и смотрящего на него с лукавой улыбкой. «Брат, тебе так идет моя пижама».

«Уйди с дороги». Цзи Цьюань залез обратно в кровать, схватил свой iPad и приготовился продолжить просмотр дорамы.

Лу Чжоу выпустил облако кедровых феромонов, окутывая ими тело Цзи Цьюаня. Убедившись, что брат полностью пропитан его запахом, он довольно улыбнулся: «Брат, я пошел. Не забудь соскучиться».

Цзи Цьюань промолчал, утомленный событиями этого вечера.

Лу Чжоу не обиделся. С чувством выполненного долга он отправился в банкетный зал. Праздник завершился около десяти часов вечера.

Проводив последних гостей, Лу Чжоу спустился в подвал.

Ржавая железная дверь жалобно скрипнула, когда домработница открыла ее. В пустом помещении звук эхом разнесся по углам, пропитанным затхлым, неприятным запахом. Под ногами хрустела сухая трава, устилавшая земляной пол.

Лу Яньи, прикованный цепями, смотрел на Лу Чжоу с нескрываемым ужасом, словно на самого дьявола. Голос его дрожал: «Отпусти меня! Если отец узнает, что ты меня запер, тебе не жить!»

Лу Чжоу с улыбкой подошел к нему. Он не испытывал ни страха, ни уважения к Лу Яньи или его отцу.

В его глазах они были лишь жалкой кучкой грязи, не заслуживающей ни малейшего беспокойства.

Взгляд Лу Чжоу парализовал Лу Яньи. Горло словно сдавило каменной плитой, лишив возможности говорить. Железы на затылке горели огнем, заставляя его невольно шипеть от боли. Под гнетом страха и физических мук он чувствовал, как медленно теряет рассудок. Сменив тон, он взмолился: «Лу Чжоу, мне очень больно, пожалуйста, отпусти меня».

«Нет». Улыбка Лу Чжоу придала его лицу невинное, почти ангельское выражение. Он легонько похлопал Лу Яньи по щеке, спрашивая: «Ты протрезвел?»

«Да, протрезвел!» – Лу Яньи был настолько напуган, что язык его онемел.

«Рад слышать». Лу Чжоу наклонился ближе и прошептал: «Где ты трогал моего брата?»

«Я...» – Лу Яньи запнулся, не зная, что ответить. Увидев зловещий блеск в глазах Лу Чжоу, он задрожал и пробормотал: «Я коснулся его затылка».

«Какой рукой ты его трогал?» – прошипел Лу Чжоу, его голос стал ледяным.

«Левой... нет... правой рукой!» Лу Яньи был всего лишь избалованным плейбоем, привыкшим прожигать жизнь в развлечениях. Сейчас, прикованный к стене подвала, он был объят животным ужасом.

«Значит, обе руки коснулись его?» – Лу Чжоу улыбнулся, но в этой улыбке не было ничего доброго. «Тогда ломаем обе».

Лу Яньи в ужасе уставился на Лу Чжоу, не в силах вымолвить ни слова.

Вскоре из подвала донесся душераздирающий вопль, похожий на предсмертный визг свиньи, – резкий, мучительный и отвратительный.

<http://bllate.org/book/14610/1296257>